

политика

¹ Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта Института философии и права УрО РАН № 18-6-6-9 «Фундаментальные проблемы правовой и морально-политической регуляции современных обществ в национальном и глобальном аспекте».

В.С.Мартьянов

ГЛОБАЛЬНЫЙ УПАДОК КАПИТАЛИЗМА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ¹

Виктор Сергеевич Мартьянов — кандидат политических наук, доцент, зам. директора Института философии и права Уральского отделения РАН (Екатеринбург). Для связи с автором: martianovu@yandex.ru

Аннотация. На основе анализа новейших тенденций в развитии современных обществ В.Мартьянов высказывает гипотезу, что капитализм как историческое явление переживает кризис кризисов, поскольку все известные способы разрешения присущих ему противоречий, связанные с географической экспансией капитала, коммодификацией различных сфер общественной жизни и производством кредитных финансовых пузырей, исчерпали свою эффективность, достигнув естественных пределов. Согласно его заключению, выход из кризиса уже не может быть экономическим, ибо это лишь усугубит структурные противоречия мировых рынков очередным финансовым крахом и/или пространственной переброской эпицентра кризиса по центр-периферийной оси мироэкономики. Глобальный упадок капитализма требует политических решений, связанных с признанием и легитимацией новой политической онтологии (размывание привычных экономических классов, подъем прекариата и разных меньшинств), трансформацией принципов социальной стратификации и изменением условий доступа разных социальных групп к общественным ресурсам. Очевидно, что новой конфигурации социальных групп придется обновлять основания социального согласия и распределения общественных ресурсов в условиях общества без экономического роста, массового труда и с ведущей ролью государства. При этом в ситуации давления монетарного социального порядка политический формат наций-государств обеспечивает все меньше возможностей для большинства, уязвимость позиций которого нарастает. По оценке автора, по мере окончательного исчерпания стратегий экспансии свободных рынков и тотальной коммодификации общественных отношений все большую ценностную и институциональную привлекательность будет приобретать альтернатива капиталистическому порядку в виде рентного доступа, связанного с государством, безусловным доходом и признанием внеэкономической ценности каждого человека.

Ключевые слова: капитализм, экспансия, коммодификация, пределы развития, центр и периферия, социальная стратификация, политическая утопия, рентное общество

**Государствоцентризм
капитализма**² Норт, Уоллис
и Вайнгаст 2011.³ Делёз 1971.⁴ Там же.

Любое политическое устройство базируется на некоей модели иерархизации и территориализации имеющихся в обществе ресурсов, позволяющей их контролировать и воспроизводить. Повторяемость способов извлечения и принципов распределения ресурсов в контексте неизменной стратификации сословных (феодалных) обществ, или, в терминологии Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста, естественных государств², являлась синонимом власти и порядка. Устойчивость Ancien Régime подрывается, когда принципы сословного устройства начинают трансформироваться под воздействием расширяющихся рыночных взаимодействий, основанных на постоянном «расконтроливании», частном присвоении и детерриториализации доступных потоков ресурсов. Поэтому неудивительно, что с позиций Ancien Régime капитализм выглядит анархией и разрушением *божественного уклада* вышедшим из-под контроля движением капитала и рабочей силы, порождающим новые конфигурации социальных групп, власти и сосредоточения ресурсов. При таком угле зрения действительно можно сказать, что «капитализм сложился на провале всех ранее существовавших общественных кодов и территориальностей»³. Именно в этом смысле Жиль Делёз проводит параллель между логикой капитализма и логикой шизофрении, которые никогда не имеют окончательного лица, находясь в вечном распаде, изменении и становлении, идя от кризиса к кризису. Капитализм живет постоянным открытием и эксплуатацией новых общественных потоков и ресурсов, которые находятся вне ядра социального порядка, но со временем становятся его частью через механизмы коммодификации и присвоения.

Взрывая привычные способы упорядочивания (кодирования) общественных потоков, дискурс капитализма является освобождающим, революционным. Капитализм питается энергией *созидательного разрушения* социальных порядков «на развалинах и во время упадка великих империй, причем феодализм — это лишь одна из форм разрушения и упадка»⁴. Таким образом, капитализм появляется тогда, когда разрушенные элементы предшествующих укладов входят в резонанс, сопрягаются в новой системе координат, где социальное действие развивается относительно спонтанно, вне жесткого кодирования социальных коммуникаций, характерного для докапиталистических обществ. Кумулятивный эффект свободных взаимодействий и образует новизну капитализма, когда каждый политический субъект и все они в совокупности расширяют свои возможности по конструированию социальной реальности. Однако у этой свободы есть цена, связанная с тем, что ресурс *расколдовывания* Ancien Régime как источника легитимации новых политических субъектов не может быть бесконечным без создания нового регулярного порядка. Поэтому автономная от капитализма государственность возвращается, несмотря на казалось бы убедительную либертарианскую апологию преимуществ конкурентного рынка и моделирование по его подобию всех иных социальных взаимодействий, в основу которых кладется методологический индивидуализм *homo economicus*.

Более того, Иммануил Валлерстайн прямо указывает на ложность отождествления капитализма со свободными конкурентными рынками, когда феодальное общество рассматривается как дорыночное, а социализм — как попытка построения пострыночного общества. Различия между ними всегда носили сугубо количественный характер, и реальный капитализм исторически отличался скорее способностью к построению мощных монополий, аккумулирующих ресурсы, нежели свободой рынков, на деле представлявшей лишь его идеологическое алиби. Капитализм как экономический порядок, существующий *поверх* рынков, одновременно есть и порядок политический: «никто никогда не может достигнуть господства в экономике, подавлять ее и сдерживать, ограничивая действие рыночных сил, не имея политической поддержки. Это всегда требует силы, применения некоторой политической власти, создания неэкономических барьеров для входа на рынок, установления жутких цен, получения гарантий того, что люди купят то, что им не особенно нужно. Утверждение, что кто-то может быть капиталистом (в броделевском смысле слова) без поддержки государства, не говоря уже об оппозиции к нему, является полностью абсурдным»⁵. Иначе говоря, историческое развитие капитализма определяется преимущественно политическими факторами, а его структурирование аналогично дифференциации на центр и периферию, характерной для империй, но уже в мировом масштабе: «модель капиталистической мир-системы, обладающей центром, периферией и полупериферией (по Ф.Броделю — И.Валлерстайну), по сути, соответствует структуре империи»⁶.

⁵ Валлерстайн 2006: 12.

⁶ Лапкин 2017: 59.

Капитализм узаконивается, когда рыночные взаимодействия получают моральные и правовые санкции. Капитализм не мог развернуться как широкое историческое явление, пока не созрели внеэкономические регуляторы и гарантии этих взаимодействий, суммарно связанные с государством. Появление капитализма и его последующие трансформации непосредственно связаны со становлением и развитием нового политического порядка централизованных государств с его силовыми, фискальными и культуртрегерскими вертикалями. Капитализм, взятый в *чистом виде*, в отрыве от своих фоновых регуляторов, есть не более чем либертарианская утопия. Его реальное функционирование определяется изменением Ancien Régime, социальной стратификации и условий доступа общественных групп к ресурсам. Эта политическая экономия капитализма отсекается последующей экономической теорией, которая без внятных оснований приписывает капитализму исключительную способность к созданию некоего прогрессивного политического устройства, будь то либеральная демократия или общество открытого доступа.

Как бы то ни было, реальное капиталистическое *заколдовывание* (перефразируя Макса Вебера) или *закодирование* (в терминологии Делёза) социальной действительности неизбежно ведет к трансформации рыночной либертарианской утопии в контролируемые государством технологии управления ресурсными потоками. В ходе этой трансформации *дикий капитализм*, или свободный саморегулируемый рынок,

достаточно быстро по историческим меркам отходит на периферию реальной жизни современного общества, оставаясь лишь образцом для идеологизированных учебников экономики, в которых продолжает успешно действовать воображаемый *homo economicus*, движимый эгоизмом и рациональным индивидуализмом: «теория [свободной торговли] занимается эффективностью краткосрочного использования уже имеющихся ресурсов, а не долгосрочным увеличением доступных ресурсов через экономическое развитие; вопреки тому, во что ее поборники хотят заставить нас поверить, теория свободной торговли не говорит, что свободная торговля — это хорошо для экономического развития... Исторически либерализация торговли была результатом, а не причиной экономического развития»⁷.

⁷ Ха-Джун Чхан
2008: 57.

Рыночный капитализм до сих пор описывается по периоду его начальной романтической экспансии, когда рынок оценивался как безусловное общественное благо в сравнении с феодальными, сословными порядками и еще не успел в полной мере продемонстрировать миру свою оборотную сторону, связанную с эксплуатацией, отчуждением, жесткой конкуренцией, безразличием к средствам в погоне за прибылью. В это переходное время капитализм был еще понятен и соразмерен индивиду-предпринимателю, действующему в рамках протестантского методологического индивидуализма, положенного в основу экономической теории рынка. Более поздние версии и логики разворачивания сначала торгового, затем индустриального и наконец глобального (транснационального) капитализма имели все меньше точек соприкосновения с партикулярностью жизненного опыта отдельного человека. Свободные рынки, первоначально создаваемые сцеплением интересов рациональных эгоистичных субъектов, постепенно отходят в область идеологии. Тем не менее в превращенном виде они остаются важным элементом экономического конструирования и политической легитимации — например, в виде неолиберальных или либертарианских доктрин, идей свободной торговли и рыночного саморегулирования, сокрушаемых растущими волнами глобального протекционизма и таможенно-тарифных войн⁸.

⁸ США 2018.

Соответственно, на политическом уровне капитализм всегда легитимировался либеральной риторикой освобождения. Риторика освобождения использовалась еще олицетворявшей третье сословие буржуазией для обоснования своего права на политические интересы. Однако эта риторика никогда не была настолько последовательной, чтобы допустить, что однажды может понадобиться освобождение от самого капитализма, обретшего черты *второй природы* современных обществ: «Буржуазная концепция свободы имеет лишь политическое содержание... Это происходит потому, что для буржуазии... капитализм является не экономической системой, а скорее естественным порядком. Для буржуазии капитализм есть экономическая свобода; сохранение капитализма требует только невмешательства в его естественное функционирование»⁹. Причем, по мысли Люка Болтански и Эва Кьяпелло, в процессе исторического развития капитализма родовое освобождение (то есть освобождение

⁹ Антекер 1970: 69.

человека как такового) пребывает в постоянном конфликте с видовым (освобождением угнетенных групп): «хотя капитализм с момента своего возникновения и включает в свое самописание требование освобождения, в какой-то момент, ради собственного выживания, ему приходится класть ему предел. Но он может сделать это по-разному: либо через переговоры, когда в результате взаимодействия с критикой возникают договоренности о способах распределения прибыли и приемлемых условиях труда, либо навязывая свой порядок, как это во многом происходит в наши дни, когда капитализм заново развертывается, обходя созданные критикой препятствия. Правда, существует такой тип освобождения, которому капитализм не препятствует, ибо он обеспечивает его постоянное развитие: речь идет об освобождении через потребление»¹⁰.

¹⁰ Болтански
и Кьяпелло 2011:
730.

Отсюда следует, что капитализм вряд ли может стать ценностным основанием какого-либо общественного порядка, поскольку он постоянно ставит под сомнение сложившиеся общественные установления, ценности, иерархии, территориальность и т.д. Более того, он постоянно меняет правила игры, вводит новую аксиоматику, позволяющую интегрировать в пространство общественных обменов ранее исключенные из него, отсутствовавшие или представлявшие опасными ресурсные потоки. Например, как убедительно показывает Джеймс Скотт, рыночная экономика впервые в истории превращает *долг* из морального понятия в фундамент всей экономической системы. При этом взимание долгов с граждан обеспечивается всей силовой мощью государства, гарантируется правом и моралью, тогда как долги государств и транснациональных акторов перед гражданами и иными участниками глобальных экономических коммуникаций легко прощаются и обесцениваются без серьезных последствий для корпоративных должников. Утопическая легитимация капитализма духом свободы оборачивается суровой реальностью, где рынок, разрушив Ancien Régime, начинает выстраивать новые иерархии и политические порядки: «крупномасштабный капитализм — точно такое же средство гомогенизации, усреднения, схематизации и решительного упрощения, как и государство, с той разницей, однако, что для капиталиста упрощения обязаны окупаться. Рынок с необходимостью сводит качество к количеству через механизм ценообразования и способствует стандартизации; на рынке говорят деньги, а не люди. Сегодня глобальный капитализм — возможно, наиболее мощная сила гомогенизации, даже если государство в некоторых случаях выступает в защиту местных особенностей и разнообразия»¹¹.

¹¹ Скотт 2005: 26.

Силам всемирной гомогенизации в виде глобального капитализма противостоят его же издержки и негативные экстерналии. Даже если, отталкиваясь от популярной метафоры *плоского мира*¹², представить современное общество как систему взаимодействий горизонтальных сетей разного вида и уровня, то центр-периферийное выстраивание этих сетей, историческая неодновременность отдельных обществ, неравенство климатических условий, предпочтительность определенных маршрутов торговых коммуникаций и т.д. неминуемо приведут к всевозможным

¹² Фридман 2014.

диспаритетам и центробежным тенденциям. Неравномерность распределения людей, ресурсов и возможностей доступа к ним влечет за собой нарастание разреженности/сгущения в определенных точках, узлах, регионах, которое неизбежно оборачивается иерархическими отношениями с воспроизводством преимуществ доминирующих регионов, социальных групп, ценностей и институтов.

**Расширение
капитализма:
пределы и тупики**

Исторически одним из эффективных способов разрешения внутренних противоречий капитализма, связанных с неравномерным развитием, обострением конкуренции, снижением нормы прибыли и тем самым стагнацией и инфраструктурной декапитализацией, была географическая экспансия капитала. Эта экспансия раз за разом позволяла отсрочивать неизбежный кризис перепроизводства за счет освоения новых рынков сбыта товаров, новых источников сырья и дешевого труда¹³. Первоначальная глобальная пирамида капитализма носила пространственный характер, когда метрополии получали ренту благодаря сырьевой и людской эксплуатации периферии. Однако с превращением капитализма в глобальный генерируемые географией прибыли исчерпались. Более того, аутсорсинг производственных мощностей и производств перестал быть фактором развития и роста. В условиях обострения конкуренции усиливаются тенденции к *решорингу*, и государствам и фирмам все чаще оказывается выгоднее сохранять и/или возвращать производства на свою территорию¹⁴. Как следствие, внутренние циклические кризисы стало невозможно отложить во времени и пространстве. Глобальный мир перенасыщен капитализмом, которому некуда расширяться. Поэтому капиталистическая миросистема не может привычным способом экстернализировать свои внутренние кризисы, не претерпев серьезной трансформации¹⁵.

Падение нормы прибыли ведет к кризису базовой мотивации предпринимательской активности, связанной с расширенным воспроизводством капитала. Сегодня мировые рынки товаров, финансов, технологий и услуг, а также производительность труда начали выравниваться в глобальном измерении. Вторая пирамида капитализма строилась как центр-периферийное глобальное распределение производств с низкой (производство массовых потребительских товаров) и высокой (сфера знания, технологий и финансов) добавленной стоимостью. Последние центр миросистемы с разной степенью успеха пытался монополизировать, что получило идеологическое объяснение в виде теорий постфордизма, или информационного, постиндустриального общества¹⁶. Эта пирамида во многом оказалась вынужденным ответом на сокращение массовой занятости в странах центра миросистемы. Ее ресурсов хватило ненадолго, так как в относительно открытом глобальном мире любые преимущества являются преходящими. Результатом стал рост безработицы, особенно в центре мироэкономики, сокращение среднего класса, усиление национализма, популизма, изоляционистских и протекционистских настроений¹⁷.

¹³ *Арриги 2006.*

¹⁴ *Кондратьев 2017: 54–65.*

¹⁵ *Кагарлицкий 2010.*

¹⁶ *Ильченко и Мартыанов (ред.) 2015.*

¹⁷ *Мартыанов 2017а.*

В последнее время логику легитимации позднего капитализма в виде дискурса перехода к постиндустриальности как экономической панацеи пытаются спасти путем его эстетического осмысления в качестве *глэм-капитализма* или *креативной экономики*, где создание прибавочной стоимости и капитализация рынков обусловлены не столько материальной ценой товаров, сколько связанными с ними символическими статусами, кодами и брендами¹⁸. Соответственно, ядро глэм-индустрии (мода, здоровье, красота, туризм, спорт, развлечения, люксовые товары и др.) описывается как новый двигатель постиндустриальной экономики, раскручивающий спираль современного общества потребления, где на смену стагнирующему спросу на жизненно важные товары приходит символическое потребление, в котором брендовые смыслы значат для капитализации больше, чем функциональное назначение товара. Проблема, однако, в том, что «„фиктивный товар“... предназначен для утоления потребности, о наличии которой потребитель не подозревает до того момента, пока не прочтет рекламу этого товара... Только около 30% товаров... удовлетворяют базовые потребности; все остальные товары удовлетворяют потребности, которые не существуют»¹⁹. Понятно, что основанная на этих потребностях занятость тоже весьма ненадежна и эфемерна. Не случайно среди 10 крупнейших (по версии Forbes) публичных компаний мира на сегмент глэм-капитализма ориентируется только корпорация Apple, давно отказавшаяся от позиционирования себя в качестве воплощения революционности, протеста и избранности в пользу массовой симуляции престижа и гламура. Показательно также, что в десятке крупнейших мировых компаний доминируют банки и инвестиционные фонды, демонстрируя постоянное усиление финансового сектора глобальной экономики²⁰.

¹⁸ Иванов 2008.

¹⁹ Мостовой 2005.

²⁰ <http://www.forbes.com/global2000/list/>.

В настоящий момент мы можем наблюдать, как исчерпание ресурсов свободных рынков порождает запрос на расширение регулятивных функций государства. Глобальный финансовый капитализм предстает как агония рынка, достигшего пределов своей экспансии в различные пространства коммодификации. Из все менее доходной сферы материального производства капитал устремляется в финансовую сферу, перенасыщение которой приводит к надуванию спекулятивных пузырей. Подобные пузыри не увеличивают количество доступных в обществе ресурсов, а лишь перераспределяют их в пользу немногих, усиливая все виды неравенств. Таким образом, финансиализация капитала является свидетельством системной исторической тупиковости капитализма, жизнь которого продлевается исключительно за счет углубления всевозможных неравенств, симулирующего экономический рост, но в стратегической перспективе не разрешающего накапливающихся противоречий.

Люди, корпорации и государства тратят больше, чем зарабатывают, превращаясь в заложников кредитных организаций. Нарушаются стандарты резервирования денежных средств, залогового обеспечения и оценки реальных активов заемщиков. При определении надежности фирм на первый план выходит не стоимость материальных активов,

а массовые ожидания и мифические бизнес-перспективы. При схлопывании очередных финансовых пузырей расплата с банками принимает форму государственной помощи (списание долгов, предоставление нерыночных займов, включение печатного станка, девальвация валют и т.п.). Государство всегда спасает системные банки, но именно они производят неизбежный рукотворный кризис, чтобы затем, получив реальные прибыли, списать виртуальные убытки на счет кредитуемого населения и организаций. Риторика всеобщей и естественной (органической) справедливости рынка, честной конкуренции и выживания сильнейших сразу же уходит в тень, как только кризисом оказываются задеты корпорации *слишком большие, чтобы обанкротиться* (too big to fail) и понести заслуженное наказание. Так, в 2008 г. правительство США направило на стабилизацию национальной банковской системы 700 млрд долларов²¹.

²¹ *Emergency 2008.*

Источником постоянного вызова устойчивости современного политического порядка является утрата государствами регулятивного влияния на финансовые ресурсы своих же экономик, контролируемых крупным частным капиталом. Большая часть денежной массы сегодня «создается не центральным банком, а частными коммерческими банками в форме кредитов»²². Например, в Великобритании доля кредитных денег составляет 97% всей денежной массы страны. Поэтому ссылки на *интересы населения* в рамках политической риторики *экономического роста, стабилизации* или *спасения от кризиса* на деле есть не более чем способ легитимации государственной помощи финансовому капиталу. По сути, это неприкрытый шантаж общества со стороны банковской системы, которая, накачивая экономику избыточными деньгами и перераспределяя потоки капитала в свою пользу, выступает истинным мегарегулятором глобальной экономики. В результате поздний капитализм работает как классическая финансовая пирамида, периодически объявляя дефолт за счет наиболее слабых своих участников, будь то глобальные бедняки или отдельные периферийные общества. Эти дефолты политически легитимируются как естественные (циклические) кризисы перепроизводства.

²² *Ефимов 2017: 131.*

Однако исторические пределы насыщения капитализмом, похоже, достигнуты, и пространства, которые он мог бы переподчинить своей логике бесконечного накопления прибыли, иссякли. На сегодняшний день остается все меньше ресурсов, позволяющих оправдывать капитализм и выводить его из очередного тупика экспансии — географической, потребительской, культурной. Выход из таких тупиков становится все дороже, а его эффекты все краткосрочнее.

Историческое проникновение капитализма во все сферы общественной жизни с постоянной попыткой их коммодификации парадоксальным образом подрывает внеэкономические основания существования самого капитализма в виде культуры, религиозных ценностей, морали, права, политики, которые он до определенного времени успешно выносил за скобки в качестве независимых фоновых регуляторов. Но рано или поздно процессы раскодирования *фоновых ценностей*

в логике капитализма приходят к логическому завершению, а их казавшийся неисчерпаемым ресурс обнаруживает свою конечность. Экспансия капитализма опирается в автономные регулятивные логики государства, культуры и морали, которые не могут быть коммодифицированы, поскольку выступают необходимым и незаменимым условием внеэкономического обеспечения существования свободного рынка. Следует отметить, что коммодификация *per se* не является безусловным злом. Так, именно она разрушила обычай убивать пленных, который уступил место практикам обращения в рабство и выкупа; именно она способствовала преодолению патриархальных устоев традиционных обществ, сдерживавших развитие индивидуальной автономии. Однако постепенная коммодификация всего того, что в принципе может быть коммодифицировано, включая природу, семью, городские публичные пространства и т.д., уже приближается к тому уровню, когда неохваченным логикой превращения всего и вся в товар останется только дыхание.

Политическое падение людей труда

Прогрессирующий рост потребления, как и рост экономики, имеет свои пределы, даже если на смену одному золотому миллиарду придет десяток. Последовательное повышение уровня жизни в результате экономического роста, стимулированного экспансией и интенсификацией капитализма, наблюдается только в последние 200 лет, и нет никаких гарантий, что в следующие 200 лет эта тенденция сохранится²³. Очевидная на первый взгляд формула «сокращение населения ведет к нехватке рабочих рук» при ближайшем рассмотрении оказалась ошибочной. В современном обществе фундаментально изменился сам феномен труда. Если в XIX в. классовые различия между гражданами определялись преимущественно характером их труда, связанным с занятостью в тех или иных сферах, то в XXI в. ключевое значение имеют два других фактора — география труда и сам доступ к труду.

²³ Maddison 2003.

В этих условиях негативные описания труда, рассматриваемого в контексте эксплуатации, родового проклятия и отчуждения, теряют былую убедительность. Исторически первая модель *модерности*, или *узкая модерноть* (в терминологии Питера Вагнера), имела отношение к политическим правам только тех граждан, чьи ресурсные возможности опирались на значимую собственность (неприкосновенность частной собственности, усиление независимости суда, свобода слова, избирательные права и т.д.). Дальнейшее расширение политического класса в значительной мере обусловлено трансформацией понятия собственности, которая, начиная с трудов Джона Локка и заканчивая работами Карла Маркса, стала интерпретироваться как базирующаяся на труде. Соответственно, труд начал превращаться в универсальный феномен, порождающий стоимость,двигающий прогресс и лежащий в самой основе частной собственности. В результате люди, чьим главным ресурсом являлась способность к труду, получили

фундаментальное идеологическое основание для доступа к политическим правам, впоследствии подкрепленное их статусом налогоплательщиков.

Как следствие, происходит переосмысление труда как *права граждан*, в противовес всем предшествующим описаниям его как *проклятия*, обязанности и средства отчуждения человека от его родовой сущности. Право на труд становится все более редким и все чаще выступает условием обретения гражданства. Более того, усиливающееся давление на трудовые рынки стран центра мировой экономики со стороны растущего потока мигрантов приводит к невозможности обеспечить доступ к труду всем желающим. Вместо гарантированного права труд стремительно обретает черты дефицитного ресурса. Нарастает тенденция к превращению труда в привилегию граждан, ибо в его оплату входит невидимая политическая рента как производная от наличия гражданства соответствующей страны, своей историей и усилиями предшествующих поколений создавшей определенные преимущества.

В глобальном мире наблюдается общая девальвация ресурса наемного труда, а также влияния опирающихся на него людей, по-прежнему составляющих большинство населения. В условиях феноменальных разрывов в капитализации и производительности труда количество рабочих рук имеет все меньшее значение в процессе создания национального ВВП. Например, капитализация российского фондового рынка (37,8 трлн. руб. по итогам 2016 г., что эквивалентно 630 млрд долларов по курсу 60 рублей за доллар США), за которым условно стоят 71,5 млн занятых в российской экономике, ненамного превышает капитализацию отдельно взятой компании Facebook (531 млрд долларов на начало 2018 г.), насчитывающей всего 23 тыс. сотрудников. Для современных экономик задача заключается не столько в создании новых рабочих мест, сколько в повышении производительности уже существующих и совершенствовании технологий. Но парадокс в том, что решение этих задач приведет не к увеличению, а к сокращению рабочих мест ввиду автоматизации, роботизации и т.п.

Параллельно повышается ресурсная значимость политического статуса, связанного с гражданством²⁴. Тенденцию к закрытию гражданских сообществ стран центра миросистемы от *неграждан* (мигрантов) наглядно иллюстрируют растущие симпатии избирателей к правым популистам, особенно заметные в Европе («Альтернатива для Германии», «Национальный фронт» во Франции, «Лига Севера» в Италии и др.)²⁵. В постиндустриальных реалиях высокая безработица вполне может сочетаться с низкой рождаемостью. Автоматизированные технологические цепочки ведут к высвобождению все большего числа людей, пополняющих ряды прекариата. Последний объективно превращается в опасный класс, ибо, утратив ресурсы полезности в новой экономике, он может основывать свои претензии лишь на социальных гарантиях и привилегиях. Сужение свободных рынков и сферы массового труда порождает проблему поиска новых ресурсов, которые бы позволили прекаризирующемуся большинству вернуть себе политическое значение, причем это

²⁴ Миланович 2017.

²⁵ Фишман 2017.

значение уже не должно быть связано ни с рыночной ролью, ни со статусом военнообязанных или налогоплательщиков.

Конец массового труда в развитых экономиках заставляет задуматься об альтернативном доступе к ресурсам для лишних людей, образующих опасные для политического порядка классы. И расширяющиеся дискуссии о безусловном основном доходе (БОД), и кампании против нежелательных мигрантов, и постоянное ужесточение условий наделения гражданством — лишь следствия новой структурной ситуации в глобальной экономике. Свертывающийся рынок труда был основным каналом доступа большинства к средствам жизнеобеспечения. Оппоненты БОД утверждают, что его введение снизит мотивацию людей к поиску работы и труду, приводя в пример наследственных получателей вэлфера в США и европейских мигрантов, комфортно чувствующих себя в статусе безработных. Однако объяснение интереса к БОД потаканием левому популизму или человеческим порокам в корне неверно. Он означает лишь растущее осознание правительствами своей неспособности справиться с проблемой управления занятостью и создания новых рабочих мест.

Неуклонное падение относительного вклада людей труда в экономику ведет к изменению привычной модели социального государства, строившейся на сборе налогов с *людей труда* и последующем их перераспределении в пользу безработных. Безработных становится все больше, особенно в молодых поколениях, которые лишаются возможности выйти на рынок труда и получить постоянное место работы. Это объективно провоцирует массовое разочарование в свободном рынке и либеральной демократии как его политическом alter ego. Разумеется, внутри капитализма идет постоянный поиск ситуативных инструментов и подручных средств, которые бы позволили продлить его существование, обрести новые ресурсы и остановить рост внутренних противоречий. Так, когда оказался исчерпан ресурс массового труда, свободные рынки и экономической рост стали поддерживаться через расширенное потребление в кредит. Следующий шаг — демонтаж социального государства как побочного эффекта усиления людей труда. Одновременно в логике неолиберализма (в форме новейших *креативных* теорий) внушается, что негарантированный труд — новая социальная норма. Иерархическая модель элитарной демократии вытесняет базовые ценности представительства интересов, превращая все права людей в производное от прав собственности. Неолиберализм прямо отказывается от универсалистских обещаний классического либерального консенсуса, не предлагая взамен ничего, кроме передела общественного пирога в пользу и без того успешных социальных групп, и оправдывая это соображениями узко понимаемой эффективности. Тем самым происходит подмена общественного блага благом для рыночной экономики, трактуемым как экономическая эффективность и отвечающим интересам ключевых бенефициаров сложившейся системы.

Однако все эти рецепты лечения капитализма выглядят неубедительными и способны лишь отсрочить его конец. Складывается новая

²⁶ Стэндинг 2014.

социальная иерархия, в которой людям, имеющим гарантированную работу и социальный пакет, противостоит численно растущий класс безработных и лиц с неустойчивой занятостью, жизненно важной целью которых является получение работы²⁶. Не исключено, что введение БОД со временем приведет к появлению массовых групп, которые смогут рассчитывать только на него, а существование за его счет, в свою очередь, станет предлогом для ограничения гражданских прав. В долгосрочной перспективе можно прогнозировать постепенную деформацию, а возможно, и радикальный отказ от модели массовой демократической легитимации в пользу недемократических способов таковой, отменяющих формальное политическое равенство граждан. В случае реализации этого сценария прекариат утратит возможность с помощью демократических процедур обосновывать свое право на долю в общественном богатстве. Избавившись от необходимости массового привлечения граждан к участию в процедурах легитимации, политический порядок закономерно лишит их доступа к политическим ресурсам в обмен на некоторые экономические блага.

При этом общество, где на смену социальному государству и высоким зарплатам рабочего класса придет система безусловного основного дохода, — это скорее оптимистический вариант, возможный лишь в центре мироэкономики. На ее полупериферии лишним людям нового капитализма вряд ли придется в обозримом будущем рассчитывать на массовый доступ к пассивным доходам в виде БОД. Вне сильного социального государства им остается лишь опираться на собственные силы. В российских реалиях это выливается в своеобразный нейтралитет государства, закрывающего глаза на использование «лишними» гражданами разнообразных стратегий выживания (самозанятость, гаражная экономика, отходничество и т.д.). Наконец, на периферии мироэкономики вероятен вариант жестокого неофеодализма, когда бесполезное и непроизводительное большинство находится под постоянной угрозой крушения государства, локальных военных конфликтов, эпидемий, голода и физического уничтожения.

Вне зависимости от перспектив конкретных обществ по введению БОД, существование все большего числа людей утрачивает традиционную экономическую легитимацию — способность к труду, которую раньше можно было обменять на удовлетворение материальных потребностей, теряет свое значение. Поэтому формирующееся глобальное большинство заинтересовано в том, чтобы создать *альтернативное общество, в котором его общественная ценность восстановится в другой системе координат*, в сферах, не связанных с капитализмом и привычными его категориями — капиталом, трудом, прибылью и т.д. В массе своей люди капитализму все чаще не нужны ни в каком качестве — ни как люди труда, ни как потребители, ни как креативный класс, становясь чистым обременением нового духа капитализма, производящего прибыль без широкого участия населения. Впрочем, правомерно ли подобный экономический порядок продолжать называть капитализмом?

И если глобальный капитализм все меньше нуждается в людях, то могут ли они всерьез связывать с ним свои жизненные перспективы? В этом контексте наиболее вероятной альтернативой капитализму представляется *новое рентное общество*, обретающее все более отчетливые идеологические и институциональные контуры.

Контуры глобального рентного общества

²⁷ Солоу 2016:
247—260.

²⁸ <http://www.gks.ru/dbscripts/cbsd/dbinet.cgi>.

В современных обществах уже довольно давно наблюдается устойчивая тенденция к сокращению доли трудовых доходов (зарплат) в общих доходах населения и замещению их теми или иными прямыми и косвенными рентами. Если в 1960 г. трудовые доходы составляли 72,1% личных доходов американцев, то в 2009 г. — 63,7%²⁷. В России снижение их доли оказалось еще более внушительным — с 74,4% в 1990 г. до 41,6% в 2014 г. при одновременном росте доли социальных выплат с 14,7% до 18%²⁸. Но в чем же тогда был смысл постсоветских (квази)рыночных трансформаций, если вместо расширения свободных рынков наблюдается общее повышение рентных доходов, формирование зависимых от государства рентных социальных групп и массовой модели рентоориентированного поведения?

Политические ренты зависят не от положения и возможностей человека на свободном рынке, а от статуса этого человека и его социальной группы в общественной иерархии. Речь идет о новой стабильности — без ощутимого экономического роста, без потребности в массовом труде и с низкой рождаемостью. По разным подсчетам под угрозой исчезновения в ближайшие 30 лет в связи с роботизацией технологических цепочек находится до 50% рабочих мест в мире²⁹. В этой ситуации внерыночное распределение ресурсов может стать как более, так и менее эгалитарным. Отказ от постоянной возгонки фиктивных потребностей может повысить качество жизни большинства даже без существенного расширения доступной ресурсной базы и роста ВВП. Справедливость распределения ресурсов будет все больше зависеть от социально-политических факторов и принципов социальной стратификации. Сохранение массовой политической субъектности в основе нового политического порядка будет способствовать поддержанию эгалитарных принципов. Ее сокращение закономерно приведет к росту социального неравенства.

Таким образом, на горизонте возникает модель рентного общества, все менее связанного с саморегулируемыми рынками и все сильнее — с государствами, распределяющими общественные ресурсы. Государство начинает выступать в качестве ключевого стратификатора нового рентного общества. Ресурсы граждан все чаще зависят от их места в социальной структуре и рентных цепочках, определяемых и контролируемых государством. Это модель более иерархичного общества с сильной дифференциацией политических прав и растущей зависимостью экономического положения от властного статуса гражданина. В условиях маргинализации свободных рынков становятся массовыми стратегии рентоориентированного поведения, сопряженные с доступом к ресурсам

²⁹ Земцов 2017.

государства и обретающие институциональное закрепление: «сложившиеся в стране *институты* (власти, собственности, правопорядка и пр.) позволяют получать огромные индивидуальные доходы вне связи с вкладом субъекта в национальную систему воспроизводства. Такие доходы характеризуются как *рентные*. Принципиальная возможность получения *незаработанных* (незаслуженных, непродуктивных) доходов обуславливает соответствующие интересы и мотивы деятельности субъектов социально-экономической системы (рентные интересы), которые, в свою очередь, детерминируют их рентоориентированное поведение и непродуктивную деятельность»³⁰. Однако в периферийных и/или ресурсодобывающих обществах рентоориентированные политические стратегии доступны лишь элитам и привилегированным сословиям. Для большинства же рентная трансформация несет с собой лишь возрастающие риски, оставляя его без помощи государства на фоне прогрессирующей девальвации имеющегося у него ресурса выживания в виде способности к труду.

³⁰ Даниленко 2013: 127.

По отношению к капитализму рентное общество может осмысляться двояко. С одной стороны, оно предстает как *последний* дух капитализма, суммирующий его неразрешимые противоречия и антиутопические перспективы и являющийся, по сути, идеологическим паллиативом в контексте принципиальных альтернатив капитализму. С другой стороны, в своем позитивном изводе подобное общество вполне совместимо с новыми технологическими утопиями, социализмом, коммунизмом и посткапитализмом, то есть с политическими порядками, преодолевающими отчуждение людей и дающими им новые надежды, возможности и ресурсы, в том числе на безвозмездной и некоммодифицируемой основе, что может способствовать изживанию социальных антагонизмов, прогрессу, творчеству и самореализации, которые не всегда имеют экономическое измерение³¹. Так, Ольга Бессонова видит путь к смягчению издержек во многом вынужденного рентоориентированного поведения в переходе от утвердившегося в России *квазирынка* к *контрактному раздатку*, снимающему, по ее мнению, накопленные противоречия и двойные стандарты в деятельности государства и его рыночных контрагентов. Понятием «контрактный раздаток» она обозначает «модель порядка открытого доступа, при которой обеспечивается раздача общегосударственных ресурсов предпринимательским и бюджетным структурам на контрактной и конкурсной основе под условия выполнения ими госзаказа, сформированного на базе государственных программ стратегического развития отраслей и территорий»³². То есть, по сути, речь идет о возврате к государственному социализму в условиях исчерпания периферийным, рентно-сырьевым российским рынком своих изначально слабых возможностей.

³¹ Мартыанов 2017б.

³² Бессонова 2017: 109.

Отмеченные долгосрочные тенденции угасания капитализма характерны для всех современных обществ, но лишь немногие в состоянии смягчить (или замаскировать) их с помощью ресурсов социального государства. Системный кризис капитализма амортизируется посредством расширения дистрибутивных экономических обменов, контролируемых

государством через консолидированный бюджет, госпредприятия, фискальную вертикаль, господдержку, субсидии, пособия и т.д. В результате доля современного государства в общественных расходах достигает 50—60%, все больше рабочих мест, предприятий и отраслей прямо или опосредованно контролируется государством, причем это касается и наиболее развитых экономик. Именованное подобными огосударствленными обществ рыночными лишь затемняет суть происходящих в них процессов. Эти процессы все чаще связаны со свертыванием капиталистической экспансии и замещением ее негативных для общества экстерналий внешнеэкономическим регулированием, прежде всего с помощью права, морали, культуры. Таким образом, современные общества отличаются друг от друга не столько наличием или отсутствием рынка, сколько принципами и механизмами распределения ресурсных потоков, контролируемых государствами. С одной стороны, это может быть курс на сохранение социального государства, ориентированного на поддержание медицины и образования и эгалитарное распределение всевозможных субсидий. С другой стороны, предпринимаются попытки выстроить более иерархизированные системы распределения государственных рент в пользу привилегированных меньшинств, в том числе путем ущемления интересов большинства. Однако во всех случаях различия между обществами носят количественный характер, не позволяя разбить их совокупность на антитетические подвиды (естественные государства / общества открытого доступа; либеральные демократии / нелиберальные автократии; инклюзивные / эксклюзивные общества) с последующими сомнительными морализациями по их поводу. Структурно язык подобных бинарных описаний ничем не отличается от языка идеологической борьбы между политическим добром и злом, некогда выраженной в соперничестве рабочего класса и буржуазии, социализма и капитализма, стран народной демократии и элитарных буржуазных режимов, общенародной плановой экономики и эксплуататорского частного рынка и т.д.

В настоящее время популярны теории, описывающие новое рентное общество как неопатримониальное или неофеодальное и противопоставляющие его идеализируемым свободным рынкам и либеральным демократиям (внутри которых подобные практики и институты на самом деле тоже представлены в больших количествах). Однако было бы наивно полагать, что наличие признаков сословного или неопатримониального общества означает прямой откат к средневековым реалиям. Исчерпание свободных рынков ведет к росту влияния социальных регуляторов и источников ресурсов, которые до определенного момента даже не столько были отодвинуты на периферию общественной жизни, сколько ушли из фокуса общественного внимания и идеологически оценивались как культурный анахронизм. К их числу относятся, в частности, рента и ее производные (нормы, ценности, институты). Считалось, что рента, сословия, двойные стандарты, сословная этика, религия (церковь) и т.д. необратимо вытеснены универсальными экономическим и политическим рынками. И, будучи неожиданно обнаружены

в самом ядре рыночно-либеральных политических порядков, эти феномены вынужденно интерпретируются как достижения новейшего духа капитализма. Деиндустриализация объявляется постиндустриальным обществом, упадок ставших ненужными рабочих кварталов — джентрификацией, коррупция и патрон-клиентские связи — лоббизмом; итоги распада широкого среднего класса превращаются в апологию креативного класса; общий кризис модели социального государства затеняется частными дискуссиями о качестве госуправления, плохих институтах/элиты и недостойном правлении; радикализация всевозможных неравенств оправдывается интересами разнообразных меньшинств и т.д.

Социальная динамика современных обществ даже в ситуации упадка свободных рынков обеспечивает индивидуальную и групповую подвижность, довольно широкие гражданские права и социальные лифты. Соответственно, соперничество новых социальных групп/сословий за значимость для государства принципиально отличается от относительно неизменных иерархии и функций сословий в исторических обществах. Новые сословия сохраняют конкуренцию за ресурсы, доставшуюся им в наследство от экономических макрокласов — буржуазии и рабочих. Рыночная модель отстаивания коллективных интересов трансформируется в рентную. Причем различия между этими моделями являются относительными. В условиях рыночной демократии государство тоже перераспределяет ресурсы, только делает это опосредованно — через политическое воздействие на рынки и рыночные субъекты. Дрейф в сторону рентной демократии связан с тем, что государство начинает в большей степени, чем раньше, заниматься прямым перераспределением, минуя рынок³³. В рамках рентной модели конкуренция осуществляется по критериям не столько рыночной ценности, сколько полезности для государства, а победой становится повышение статуса социальной группы, нового сословия или определенного меньшинства в политической иерархии и расширение группового доступа к ресурсам.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о субъектной стороне перехода к политическому и технологическому укладу, в котором рынок если и не отойдет в область истории, то потеряет доминирующие позиции. Для этого требуется не только осознание выгод посткапитализма, но и *негативная мобилизация* — принуждение к изменениям и инновациям, обусловленное невозможностью дальнейшего сохранения привычного социально-политического и экономического порядка капитализма, который все дальше отстоит от интересов широких социальных групп, подверженных прекаризации и маргинализации. Никто не может поручиться, что эти социокультурные изменения будут следовать логике прогресса, а не архаизации и упадка. История XIX—XX вв. показывает, что открытая конкуренция экономических макрокласов в целом работает на поддержание эгалитарных принципов. Однако политическая субъектность новых политических меньшинств базируется на более локальных целях и приоритетах, которые ведут к усилению неравенства во всех сферах общественной жизни. Это коллективные

³³ Фишман 2016.

стратегии, связанные с формированием исключений из правил, позволяющие меньшинствам извлекать привилегии и дополнительные ресурсы из своего положения, но не нацеленные на изменение правил для всего социума или большинства составляющих его граждан.

При этом центральной проблемой стабильности нового рентного общества, в котором государство оттесняет рынок, будет потенциальный обмен гражданских прав на ренту в логике игры на понижение. Поскольку военная и трудовая ценность большинства населения неуклонно снижается, политические элиты с высокой вероятностью начнут прорабатывать варианты свертывания, ограничения политических и гражданских прав или даже прямого отстранения граждан от активного, в том числе электорального, участия в политической и общественной жизни в обмен на некий гарантированный уровень ренты, обусловленный их полезностью для государства и лояльностью. Указанная трансформация может стать последним шагом к новой структуре общества. Если исходить из текущих фоновых тенденций в описании возможного будущего, то оно, безусловно, рисуется в темных тонах. В условиях достижения разнообразных *пределов рынка*, формирования общества без массового труда и ощутимого экономического роста положение расширяющихся рентных групп, все более зависимых от государства, будет преимущественно определяться их принадлежностью к определенному социальному слою (классу, сословию, меньшинству) как коллективному субъекту взаимодействия с агентами государства по поводу выделяемого тем объема рентных ресурсов. Соответственно, ключевыми составляющими политики рентных обществ станет закрытие границ, ужесточение условий доступа к гражданству, выстраивание иерархий новых сословий, протекционизм, а также все более беспощадный передел ресурсов на внутри- и межгосударственном уровне в контексте стагнирующих рынков. Подобный сценарий угасания рыночного капитализма задает контуры конфликтного, неэгалитарного и опасного будущего.

Вслед за исчерпанием всех исторических резервов экспансии капитализма, институционально связанных с государством, будет подвергнуто сомнению и его новейший дух. Парадоксально, но этим духом является неолиберальная идеология, отрицающая государство во имя отсрочки неизбежных трансформаций капитализма. Лишившись своего романтического флера, неолиберальная рыночная риторика *возможностей для большинства* окажется окончательно отброшена в пользу рентно-сословной идеологии и дисциплинарных политико-правовых механизмов, позволяющих оправдывать и воспроизводить усиливающееся неравенство, сохраняя позиции господствующих элит (ведь любое реальное развитие общества предполагает диверсификацию экономических, политических и культурных ресурсов, которое оборачивается усилением альтернативных игроков и сценариев, бросающих вызов доминирующим элитам). Подобное неравенство перестанет интеллектуально маскироваться, наоборот, усилятся попытки представить его как

новую социальную норму, которая не только не нуждается в коррекции, но и указывает на пагубность и бесперспективность соответствующих усилий. Таким образом, предвосхищаемый левыми мыслителями упадок капитализма, трактуемый как возможность исправить порожденные капитализмом проблемы и противоречия, может оказаться излишне оптимистичным сценарием. Будущее без капитализма, вероятнее всего, будет означать политический порядок, в котором социальное неравенство лишь углубится за счет укрепления рентно-сословных оснований социальной стратификации, урезания демократии, массовых нисходящих социальных траекторий и обмена гражданских прав на базовый доступ к ренте.

Библиография

- Аптекер Г. (1970) *О природе демократии, свободы и революции*. М.: Прогресс.
- Арриги Дж. (2006) *Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени*. М.: Территория будущего.
- Бессонова О. (2017) «Формирование новой реальности: от квазирынка к контрактному раздату» // *Вопросы экономики*, № 7: 96—113.
- Болтански Л. и Э.Кьяпелло. (2011) *Новый дух капитализма*. М.: НЛО.
- Валлерстайн И. (2006) «Капитализм: противник рынка?» // *Логос*, № 5: 9—13.
- Даниленко Л.Н. (2013) «Сырьевая рента в России: благо или проклятие?» // *Социологические исследования*, № 12: 118—129.
- Делёз Ж. (1971) *Коды и капитализм (лекция 16 ноября 1971 года)*. URL: <https://censura.ru/articles/codecapital.htm> (проверено 6.08.2018).
- Ефимов В. (2017) «Конец алхимии финансов и суверенные деньги» // *Вопросы экономики*, № 12: 131—141.
- Земцов С. (2017) «Роботы и потенциальная технологическая безработица в регионах России: опыт изучения и предварительные оценки» // *Вопросы экономики*, № 7: 1—16.
- Иванов Д.В. (2008) *Глэм-капитализм*. СПб.: Петербургское востоковедение.
- Ильченко М.С. и В.С.Мартыанов, ред. (2015) *Постфордизм: концепции, институты, практики*. М.: РОССПЭН.
- Кагарлицкий Б.Ю. (2010) *От империй — к империализму*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Кондратьев В.Б. (2017) «Решоринг как форма реиндустриализации» // *Мировая экономика и международные отношения*, т. 61, № 9: 54—65.
- Лапкин В.В. (2017) «В преддверии сингулярности: перспективы трансформации мирового порядка» // *История и современность*, № 1: 52—78.
- Мартыанов В.С. (2017а) «Наше рентное будущее: глобальные контуры общества без труда?» // *Социологические исследования*, № 5: 141—153.

Мартьянов В.С. (2017b) «Поздний Модерн и границы привычного капитализма: в поисках внеэкономических факторов развития» // *Общественные науки и современность*, № 1: 165—176.

Миланович Б. (2017) *Глобальное неравенство: Новый подход для эпохи глобализации*. М.: Изд-во Института Гайдара.

Мостовой П. (2005) «Есть ли будущее у общества потребления?» // *Полит.ру*, 1.12. URL: <http://polit.ru/article/2005/12/01/mostovoi/> (проверено 6.08.2018).

Норт Д., Дж.Уоллис и Б.Вайнгаст. (2011) *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. М.: Изд-во Института Гайдара. URL: <https://vgn-politstudies.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0134/134203.9nn2kk1r9u.pdf> (проверено 6.08.2018).

Скотт Дж. (2005) *Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни*. М.: Университетская книга.

Солоу Р.М. (2016) «Несистематические мысли о том, как все может пойти дальше» // Паласиос-Уэрта И., ред. *Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее*. М.: Изд-во Института Гайдара: 247—260.

Стэндинг Г. (2014) *Прекариат: новый опасный класс*. М.: Ad Marginem.

«США ведут мир в эпоху протекционизма» (2018) // *Прайм*, 06.07. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20180706/829007692.html (проверено 6.08.2018).

Фишман Л.Г. (2016) «Рентное общество и последний „дух капитализма“» // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, № 2: 33—45.

Фишман Л.Г. (2017) «Популизм — это надолго» // *Полис. Политические исследования*, № 3: 55—70.

Фридман Т. (2014) *Плоский мир 3.0: Краткая история XXI века*. М.: АСТ.

Ха-Джун Чхан. (2008) *Недобрые самаритяне: Миф о свободе торговли и тайная история капитализма*. URL: http://worldcrisis.ru/files/1613511/chang_bad_samaritans_%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4_2.pdf (проверено 6.08.2018)

Emergency Economic Stabilization Act of 2008. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-110publ343/pdf/PLAW-110publ343.pdf> (accessed 6.08.2018).

Maddison A. (2003) *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD.

антиа

V.S.Martianov

GLOBAL CAPITALISM IN DECLINE: POLITICAL IMPLICATIONS

Victor S. Martianov — Ph.D. in Political Science; Deputy Director at the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg). Email: martianovu@yandex.ru.

Abstract. On the basis of the analysis of the most recent tendencies in the development of modern societies, V.Martianov hypothesizes that capitalism as a historical phenomenon is experiencing a crisis of crises, because all of the methods previously used to resolve contradictions inherent in capitalism (such as geographical expansion of capital, commodification of different spheres of public life and creation of credit financial bubbles) have reached their natural limits. According to his conclusion, the crisis can no longer be resolved by economic means, because such a solution can only aggravate the structural contradictions of the world markets by inflating yet another financial collapse and/or the spatial transfer of the epicenter of the crisis along the center-peripheral axis of the world economy. The global decline of capitalism requires a political solution, which implies recognition and legitimation of the new political ontology (the erosion of basic economic classes, the rise of the prekarat and various minorities), transformation of the principles of social stratification and alteration of conditions for access of different social groups towards public resources.

Obviously, a new configuration of social groups will have to reinvent the foundations for social harmony and distribution of public resources under the conditions of a society that lacks economic growth, mass labor and is characterized by the leading role of state. At the same time, under the pressure of the monetary social order the political format of nation-states provides fewer and fewer opportunities for an increasingly vulnerable majority. According to the author's evaluation, as the strategies of the expansion of free markets and complete commodification of social relations are depleted, rentier society, which is related to state, basic income and acknowledgement of the value of each individual outside of the economic realm, will become a more attractive alternative to the capitalist order in terms of both values and institutions.

Keywords: capitalism, expansion, commodification, limits of development, center and periphery, social stratification, political utopia, rentier society

References

- Aptheker H. (1970) *O prirode demokratii, svobody i revoljutsii* [The Nature of Democracy, Freedom and Revolution]. Moscow: Progress. (In Russ.)
- Arrighi G. (2006) *Dolgiy dvadtsatyj vek: Den'gi, vlast' i istoki nashego vremeni* [The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Time]. Moscow: Territorija budushchego. (In Russ.)

- Bessonova O. (2017) “Formirovanije novoj real’nosti: ot kvazirynka k kontraktnomu razdatku” [Forming a New Reality: From Quasi-Market to Contractual Razdatok] // *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], no. 7: 96—113. (In Russ.)
- Boltanski L. and E. Chiapello. (2011) *Novyj dukh kapitalizma* [Le nouvel esprit du capitalisme]. Moscow: NLO. (In Russ.)
- Danilenko L.N. (2013) “Syr’evaja renta v Rossii: blago ili prokljatije?” [Commodity Rent in Russia: Blessing or Curse?] // *Sotsiologicheskiye issledovanija* [Sociological Studies], no. 12: 118—129. (In Russ.)
- Deleuze J. (1971) *Kody i kapitalizm (lektcija 16 nojabrja 1971 goda)* [Anti Oedipe et Mille plateaux]. URL: <https://censura.ru/articles/codecapital.htm> (accessed 6.08.2018). (In Russ.)
- Efimov V. (2017) “Konets alkhimii finansov i suverennye den’gi” [The End of Alchemy of Finance and Sovereign Money] // *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], no. 12: 131—141. (In Russ.)
- Emergency Economic Stabilization Act of 2008*. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/PLAW-110publ343/pdf/PLAW-110publ343.pdf> (accessed 6.08.2018).
- Fishman L.G. (2016) “Rentnoe obshchestvo i poslednij „dukh kapitalizma“” [Rent Society and the Latest “Spirit of Capitalism”] // *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul’ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 2: 33—45. (In Russ.)
- Fishman L.G. (2017) “Populizm — eto nadolgo” [Populism Will Be Long Lasting] // *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political Studies], no. 3: 55—70. (In Russ.)
- Friedman Th.L. (2014) *Ploskij mir 3.0: Kratkaja istorija XXI veka* [The World is Flat 3.0. A Brief History of the Twenty-First Century]. Moscow: AST. (In Russ.)
- Ha-Joon Chang. (2008) *Nedobrye samaritjane: Mif o svobode trgovli i tajnaja istorija kapitalizma* [Bad Samaritans: The Myth of Free Trade and the Secret History of Capitalism]. URL: http://worldcrisis.ru/files/1613511/chang_bad_samaritans_%D0%9F%D0%B5%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BE%D0%B4_2.pdf (accessed 6.08.2018). (In Russ.)
- Il’chenko M.S. and V.S. Martianov, eds. (2015) *Postfordizm: kontseptsii, instituty, praktiki* [Post-Fordism: Concepts, Institutions, Practices]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)
- Ivanov D.V. (2008) *Glem-kapitalizm* [Glam-Capitalism]. St Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russ.)
- Kagarlitsky B.Yu. (2010) *Ot imperij — k imperializmu* [From Empires to Imperialism]. Moscow: Izdatel’skij dom Vysshej shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Kondrat’ev V.B. (2017) “Reshoring kak forma reindustrializatsii” [Reshoring as a Form of Reindustrialization] // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], vol. 61, no. 9: 54—65. (In Russ.)
- Lapkin V.V. (2017) “V preddverii singuljarnosti: perspektivy transformatsii mirovogo porjadka” [On the Eve of the Singularity: the Prospects for the Transformation of the World Order] // *Istorija i sovremennost’* [History and Modernity], no. 1: 52—78. (In Russ.)

Maddison A. (2003) *The World Economy: Historical Statistics*. Paris: OECD.

Martianov V.S. (2017a) “Nashe rentnoe budushchee: global’nye kontury obshchestva bez truda?” [Our Rental Future: Global Outlines of a Labourless Society?] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], no. 5: 141—153. (In Russ.)

Martianov V.S. (2017b) “Pozdnij Modern i granitsy privychnogo kapitalizma: v poiskakh vneekonomicheskikh faktorov razvitiya” [Late Modernity and the Boundaries of Habitual Capitalism: in Search for Non-economic Factors of Development] // *Obshchestvennye nauki i sovremennost’* [Social Sciences and Modernity], no. 1: 165—176. (In Russ.)

Milanovic B. (2017) *Global’noe neravenstvo: Novyj podkhod dlja epokhi globalizatsii* [Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara. (In Russ.)

Mostovoi P. (2005) “Est’ li budushchee u obshchestva potrebleniya?” [Does the Consumer Society Have a Future?] // *Polit.ru*, 1.12. URL: <http://polit.ru/article/2005/12/01/mostovoi/> (accessed 6.08.2018). (In Russ.)

North D.C., J.J.Wallis, and B.R.Weingast. (2011) *Nasilie i sotsial’nye porjadki: Kontseptual’nye ramki dlja interpretatsii pis’mennoj istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara. URL: <https://vrn-politstudies.nethouse.ru/static/doc/0000/0000/0134/134203.9nn2kk1r9u.pdf> (accessed 6.08.2018). (In Russ.)

Scott J. (2005) *Blagimi namerenijami gosudarstva: Pochemu i kak provalivalis’ proekty uluchsheniya uslovij chelovecheskoj zhizni* [Seeing Like a State: How Certain Schemes to Improve the Human Condition Have Failed]. Moscow: Universitetskaja kniga. (In Russ.)

Solow R.M. (2016) “Nesistemicheskie mysli o tom, kak vsjo mozhet pojti dal’she” [Stray Thoughts on How It Might Go] // Palacios-Huerta I., ed. *Cherez 100 let: vedushchie ekonomisty predskazyvajut budushchee* [In 100 Years: Leading Economists Predict the Future]. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara: 247—260. (In Russ.)

“SShA vedut mir v epokhu protektsionizma” [US Lead the World to the Era of Protectionism] (2018) // *Prime*, 06.07. URL: https://1prime.ru/state_regulation/20180706/829007692.html (accessed 6.08.2018). (In Russ.)

Standing G. (2014) *Prekariat: novyj opasnyj klass* [The Precariat: The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem. (In Russ.)

Wallerstein I. (2006) “Kapitalizm: protivnik rynka?” [Capitalism: The Enemy of the Market?] // *Logos*, no. 5: 9—13. (In Russ.)

Zemtsov S. (2017) “Roboty i potentsial’naja tekhnologicheskaja bezrabotitsa v regionakh Rossii: opyt izuchenija i predvaritel’nye otsenki” [Robots and Potential Technological Unemployment in the Russian Regions: Review and Preliminary Results] // *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], no. 7: 1—16. (In Russ.)